

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРОДВИЖЕНИЕ К НОВЫМ СИНТЕЗАМ

На Лихачевских чтениях мы уже не раз обращались к теме, которая почти не представлена в работах, посвященных творческому наследию Д. С. Лихачева. Речь идет о его личном участии в продвижении и реализации чрезвычайно важных экологических проектов, состоявшихся во многом благодаря его авторитету, принципиальности и настойчивости. Этот интерес к собственно экологической тематике никогда не афишировался, поскольку основным вектором научной работы было системное изучение и сохранение культурной среды, а также расширение предметной области экологии как научной и вузовской дисциплины, которая, по его мнению, не должна сводиться к защите биологической среды. Такая

заинтересованность объяснялась не только гражданской позицией и пониманием значимости защиты среды обитания.

Не менее важный мотив его деятельности — особенности мировосприятия ученого, отличавшегося глубоким видением той внутренней связи, которая существует между цивилизационным развитием и уровнем экологической культуры, а также между социокультурными и природными факторами, влияющими как на процесс становления отдельных цивилизаций (культурно-исторических типов) и этногенез, так и на характер межцивилизационных контактов. Д. С. Лихачев полагал, что именно культурная среда создает феномен «духовной оседлости», привязанности человека и народа к родным местам, без чего и долгосрочная экологическая политика теряет смысл. Такой подход может и должен быть положен в основу стратегии долгосрочного устойчивого развития, так как приближает нас к пониманию закономерностей природного и культурного синтеза в процессе цивилизационного развития, что позволяет органично соединить экологический и социокультурный аспекты стратегического планирования и прогнозирования.

Позиция Д. С. Лихачева основана на глубокой научной традиции. К примеру, М. Вебер в работе с говорящим названием «Кризис европейской культуры» рассматривал культурное и социальное развитие, познание природы и самопознание как *процесс цивилизации*. Благодаря этому процессу происходит, по его мнению, продвижение к совершенно новым синтезам, открывающим внутреннее единство творения, его законы. Однако цивилизационный рост имеет и другое измерение — разрушение неразделимого природного и культурного наследия, которое накапливается тысячелетиями, но может быть утрачено в одночасье. Цивилизационный кризис в том и заключается, что культурная деградация, демографическая катастрофа и утрата цивилизацион-

¹ Академик Российской академии наук, член Президиума РАН, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН и Средне-Уральского научного центра Российской академии медицинских наук (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Академик РАМН. Главный редактор «Российского иммунологического журнала», «Вестника Уральской медицинской академической науки», вестника Уральского отделения РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов, член Совета Российского фонда фундаментальных исследований. Депутат Государственной Думы РФ, председатель Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям.

² Профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Экология человека в изменяющемся мире».

ного многообразия как бы накладываются на экологическое оскудение, связанное с лавинообразным сокращением естественного биологического разнообразия. Это две стороны одного феномена, имеющие общее происхождение — разрыв цивилизационной преемственности и сугубо прагматическое, хищническое отношение к природному и культурному наследию.

Установка эта заключается в том, что «методологический ключ» к пониманию механизмов возникновения, становления и взаимодействия мировых цивилизаций — приоритетное изучение процессов природного и культурного синтеза (в его онтологическом понимании). Этот синтез по-разному проявляется в контексте мировой и национальной истории с учетом многих факторов и, в первую очередь, территориально-региональных отличий (климатических, географических и ресурсных, социально-экономических и конфессионально-этнокультурных), специфических механизмов накопления и сохранения природного и культурного наследия великих и малочисленных народов. Среди факторов такого рода следует выделить также внутривосточные и геополитические реалии, способные кардинально изменить ход истории в том или ином регионе планеты, особенности национальных укладов и влияние на них господствующего технологического уклада, характер социальной структуры общества и динамику ее эволюции, баланс интересов различных социальных групп и стратегические цели долгосрочного развития. Все это во многом предопределяет выбор цивилизационного пути, жизнеспособность и конкурентоспособность культурно-исторических типов.

При этом природный и культурный синтез придает самобытность каждому культурно-историческому типу, что в полной мере касается России и подтверждается самой историей становления ее государственности. Изучение сущности и механизмов природного и культурного синтеза открывает многие закономерности межцивилизационных контактов, а также характер противоречий и конфликтов, неизбежно возникающих в процессе вынужденной унификации национальных культур и размывания цивилизационных отличий под натиском геопроектного политического мышления и, что намного важнее, вполне объективных глобальных трендов, стимулирующих конкуренцию проектов глобального переустройства.

Среди основных трендов — мощная тенденция «десуверенитизации», под действие которой попадают не только страны-аутсайдеры и «страны-изгои», но и ведущие европейские государства (примером служит становление «пирамидальных политических надстроек» Евросоюза) с перспективой становления так называемой «цивилизации № 1». Именно так западные политологи иногда называют частичное или полное упразднение института национального гражданства с появлением «планетарной федерации», населенной «гражданами мира» (все эти выражения — эвфемизмы стратегий строительства так называемого «однополярного мира», несовместимых с сохранением полицивилизационного мироустройства). С этой же тенденцией связано и ожидаемое значительное

увеличение численности «потребителей первого уровня» (расширение «золотого миллиарда») в течение одного-двух десятилетий.

Подобная тенденция многократно увеличит степень антропо- и техногенной нагрузки не только на отдельные биосистемы, но и на планетарную социоприродную систему в целом, подрывая тем самым природные гаранты существования не только мировых цивилизаций, но и человека как вида. В качестве контрмеры (своего рода «анти-тренда») этому разрушающему природу и культуры процессу рассматривают обычно набирающую силу «экологическую модернизацию и реконструкцию». При этом забывают уточнить, что экологическая модернизация — это оборотная сторона указанного «цивилизационного проекта», а сама экологизация всех областей политики и сфер жизнедеятельности также является фактором тотальной унификации укладов жизни (основы основ цивилизационной преемственности) и усиления глобального контроля.

К сожалению, в современной «цивилизациологии», как подметил Ф. Фернандес-Арместо в книге «Цивилизации», полностью посвященной природным факторам становления самобытных цивилизаций (эти факторы он называет «вязким окружением» в генезисе цивилизаций), доминируют «линейные» и «прогрессистские» схемы. Это обстоятельство крайне затрудняет понимание феномена природного и культурного синтеза, в результате чего «человеческая» история (история цивилизационного развития), которую, по мнению Фернандес-Арместо, правильнее было бы поднять до уровня «исторической экологии»¹, сводится к набору заведомо тупиковых концептуальных схем. Их набор сравнительно невелик — от различных вариаций на тему географического детерминизма (теоретические построения самого Фернандес-Арместо иногда воспроизводят эти схемы) до узкодисциплинарных подходов, сложившихся в рамках отдельных областей общественных наук или всего гуманитарного цикла.

В последнем случае достижение общего понимания сводится, по словам основателя интерпретативной антропологии К. Гирца, к простой координации терминов или искусственному созданию новых терминов, а иногда к навязыванию единого набора категорий всей сфере исследований. С таким выводом вполне можно согласиться, поскольку в процессе сопоставительного анализа культур и цивилизаций действительно «следует искать систематические взаимоотношения между разными явлениями, а не сущностные подобия явлений одного и того же порядка». Для достижения этой цели придется «заменить “стратиграфическую” концепцию связей между разными сторонами человеческого существования синтетической, т. е. такой, в которой биологический, психологический, социологический и культурный факторы могли бы рассматриваться как переменные в рамках единой системы анализа»².

Выявлению причин доминирования заведомо односторонних исследовательских стратегий, характерных даже для авторов, с именами которых свя-

¹ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2008. С. 29.

² Гирц К. Интерпретация культуры. М., 2004. С. 55.

заны самые влиятельные научные теории и основные конкурирующие школы, составляющие основу современной «цивилизациологии» (это не слишком удобоваримое название постепенно входит в научный оборот), следовало бы посвятить специальный аналитический обзор. При этом, несомненно, акцент придется сделать на факторах экстранаучного характера, например, на идеологической ангажированности ученых, особенностях политики в области планирования и финансирования научных программ и проектов, методах выборочной институционализации дисциплин, специфике научной инфраструктуры. Но для того чтобы установка на приоритетное изучение природного и культурного синтеза превратилась из пожелания в исследовательский императив, потребуются значительные усилия и длительная работа.

Дело в том, что для достижения этой цели необходимо переосмысление многих устоявшихся парадигм и, главное, организация масштабных междисциплинарных научных проектов с участием многих ведущих ученых, способных органично соединять профессионализм и «методологическую толерантность» — качество, исключительно редко демонстрируемое в тех случаях, когда осуществляется «стыковка» принципиально различных методологий и технологий научной работы. Видимо, по этой причине сколько-нибудь интересного опыта реализации подобных проектов применительно к цивилизационной проблематике еще не было. Ею успешно занимаются, по преимуществу, «чистые гуманитарии», которые если и выходят за парадигмальные границы своих «научных делянок», то делают это либо в рамках смежных отраслей знания и «общей культуры» (совершенно необходимое качество для «цивилизационщиков»), либо с использованием «вторичной информации», «адаптированных знаний», усвоенных из «далеких миров» — сфер узкоспециализированного естественно-научного знания.

Еще труднее «стыковка» дается «цивилизационщикам-естествоиспытателям» при освоении ими гуманитарного поля. При этом следует особо отметить, что труды основателя наиболее продуктивных подходов при изучении цивилизаций Н. Я. Данилевского (в 2009 г. Россия могла бы широко отметить 150-летие со дня выхода его великой книги «Россия и Европа»...) были и остаются уникальным образцом и примером органичного «внутреннего» синтеза естественных и гуманитарных знаний.

Сегодня даже наиболее подготовленные и энциклопедически эрудированные специалисты не в состоянии осуществить полноценный синтез научных дисциплин, представляющих весь спектр современного знания. Существенному усилению «социально-природной составляющей»¹ такого проекта способствует тесное сотрудничество Северного социально-экологического конгресса, который уже утвердился как крупный международный форум, ставший перспективной площадкой для обсуждения наиболее острых проблем оптимизации северной стратегии России, и Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия (сопредседатели — академики Г. В. Добровольский и Е. П. Челышев). Опыт такого сотрудничества накоплен в процессе организации и проведения V конгресса. Следующий, VI конгресс «Экологическая безопасность и этнокультурная политика приарктических стран», который открыл свою работу в г. Тромсе в рамках крупного международного форума (Норвегия, январь 2010 г.), продолжит обсуждение заявленных тем в Москве в апреле 2010 года. Одна из конференций московского этапа конгресса «Цивилизационное развитие Севера и Арктики России» организована совместно с Научным советом и пройдет в МГУ (философский факультет).

¹ Разделение социального и экологического применительно к отраслевой политике носит условный характер, поскольку функциональная цель экологической политики заключается не столько в защите природы от антропо- и техногенного воздействия, сколько в защите человека от природы «после того, что мы с нею сделали».